

ГОМИЛЕТИКА В КИЕВСКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИХ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ (XVII – НАЧАЛО XIX ВВ.)

Владимир БУРЕГА, кандидат исторических наук, кандидат богословия, профессор, проректор по научно-богословской работе Киевской духовной академии Украинской Православной Церкви (Киев, Украина)

ORCID: 0000-0001-9207-7723

E-mail: vbureha@gmail.com

"Богословские размышления" № 21, 2018: 65-76

DOI: 10.29357/2521-179X.2018.21.4

Аннотация: Статья посвящена обзору истории становления гомилетики как науки в киевской богословской традиции. На основе анализа первого отечественного труда по теории проповеди, составленного Иоанникием Галятовским, показан процесс влияния католической барочной проповеди на зарождение гомилетики в Киеве в XVII в. Проанализированы гомилетические воззрения архиепископа Феофана Прокоповича, стремившегося реформировать отечественную церковную проповедь, избавив ее от крайностей барочной литературы. Рассмотрен вклад в становление гомилетики как науки в Киевской духовной академии в XIX – начале XX вв. профессоров Якова Амфитеатрова, протоиерея Назария Фаворова и Василия Певницкого. Показан процесс трансформации взгляда на природу и форму проповеди в киевской богословской традиции. Раскрыто влияние академической богословской науки на практику церковной проповеди в указанный период.

Ключевые слова: проповедь, гомилия, гомилетика, риторика, Православная Церковь, Киево-Могилянская академия, Киевская духовная академия.

Abstract: This article surveys the history of formation of homiletics as a scholarly discipline in the Kiev theological tradition. It demonstrates the process of influence of the Catholic baroque preaching on the origin of homiletics in Kiev in XVII century on the basis of the analysis of the first national work on the theory of preaching, prepared by Ioanniky Galiatovsky. It also analyses the homiletic views of archbishop Feofan Prokopovich, who aspired to reform the national church preaching, relieving it from the extremes of the baroque literature. The contribution to formation homiletics as sciences in the Kiev theological academy in XIX – beginning XX centuries of professors Jacob Amfiteatrov, archpriest Nazarii Favorov and Vasillii Pevnitsky is considered. The process of transformation of a view on the nature and the form of sermon in the Kiev theological tradition is shown. Influence of the academic theological science on practice of the church preaching during the specified period is disclosed.

Key words: sermon, homily, homiletics, Rhetoric, Orthodox Church, Kiev-Mohyla Academy; Kiev Theological Academy.

Зарождение теории церковной проповеди в Киеве относится к XVII в. и связано с теми процессами, которые протекали на территории Украины, Беларуси и Литвы, входивших тогда в состав Речи Посполитой. Принято считать, что до этого времени обучение искусству проповеди на Руси осуществлялось на основе проповеднических образцов. В частности, в XVI в. в пределах Киевской митрополии широкое распространение получили “Учительные Евангелия”, представлявшие собой сборники образцовых проповедей на все недели церковного года. Прототипом для многочисленных рукописных, а позднее печатных “Учительных Евангелий” считается труд епископа Константина Преславского (IX в.). В XV в. появился славянский перевод “Учительного Евангелия” Константинопольских патриархов Каллиста (1350–1354, 1355–1362) и Филофея (1354–1355, 1362–1376). Начиная с XVI в., эта книга неоднократно издавалась типографским способом, а в XVII в. появился ее перевод на староукраинский язык¹.

Хотя проповедническая практика XVI в. остается малоизученной, все же принято считать, что в то время в пределах Киевской митрополии в храмах звучали в основном либо чтения из “Учительных Евангелий”, либо проповеди, подготовленные по этим образцам. Полностью оригинальные проповеди были редкостью.

Ситуация меняется в конце XVI в. В эти годы Православная Церковь стремится сформировать свою собственную образовательную стратегию. Это мотивировалось, прежде всего, полемическими задачами. Активность как католиков, так и протестантов в сфере образования, книгоиздательства и школьного дела понуждала и православных к пересмотру традиционных подходов как к образованию, так и к церковной проповеди.

К этому времени в рамках Католической реформы были сформированы новые подходы к проповеди, которые, благодаря иезуитам, быстро распространились на территории Речи Посполитой. Это повлияло и на православную церковную проповедь.

В 1615 г. в Киеве была создана Братская школа, которую митрополит Петр Могила в 1632 г. преобразовал в коллегию. Могиланская школа была устроена по образцу иезуитских коллегий. Петр Могила и его единомышленники стремились осуществить синтез западной образованности и православной церковности. В результате “могилянского синтеза” была создана особая богословская традиция, которая характеризуется активным заимствованием западных теологических новаций. Эта открытость к посттриденскому латинскому богословию проявилась и в сфере гомилетики. В XVII в. в Киеве через посредство польской католической проповеди заимствуют практику барочного проповедничества, которая нашла отражение и в трудах по теории проповеди.

Первым православным руководством по гомилетике, появившимся на территории Украины, принято считать работу *архимандрита Иоанникия Галатовского* (ок. 1620–1688) “Наука альбо способ зложеня казаня” (рус. “Наука или способ составления проповеди”). Архимандрит Иоанникий был воспитанником Киево-

¹ Подробнее см.: Галина Чуба, *Українські рукописні Учительні Євангелія. Дослідження, каталог, описи* (Київ – Львів, 2011).

Могилянської коллегії і яким представителем могилянської богословської школи². В 1659 г. в Києві о. Іоаннікий видав збірник своїх проповідей “Ключ розуміння”, в додатку до якого і була поміщена “Наука альбо спосіб зложення казаня”. Тут викладено як загальні принципи побудови проповіді, так і конкретні практичні рекомендації для проповідників.

“Наука” Іоаннікія Галітовського написана під вирішальним впливом латинських барокових керівництв по теорії проповіді. По думці сучасного українського дослідника професора Р. В. Радішевського, трактат Галітовського в ряду місць дослівно повторює сочинення професора ієзуїтської коллегії в Полоцьку Мацея Сарбевського “О совершенной поэзии” (“De perfecta poesi”, 1620-е гг.)³.

“Наука” Галітовського – це посібник по *тематическій* проповіді. Автор спеціально підкреслює, що в основу проповіді слід покласти *тему* (“тєму”): “Кто хоче казане учинити, найперше має покласти з Письма Святого тєму, котра єсть фундаментом всего казаня”⁴. Під “тємой” Галітовський розуміє текст Священного Писання, який вказується в началі проповіді. В принципі Галітовський допускає проповідь і без теми (то єсть без початкового тексту). Він пояснює, що такі проповіді часто зустрічалися в практиці Давньої Церкви. Однак, по зауваженню о. Іоаннікія, “того стилю казнодеї теперешнього віку рідко заживають”⁵. Також, як свідчить Галітовський, проповідники його часу не виробляли проповідей, присвячених загальнодоступному трактуванню Євангелія. Ці зауваження свідчать про відмову проповідників XVII в. (як католицьких, так і православних) від давнього жанру *гомилій*, який був витіснений тематическою бароковою проповіддю.

Проповідь, по Галітовському, повинна ділитися на три частини: *екзордиум* (або *початок*), *наррація* (або *повідість*) і *конклюдія* (або *кінець*). В вступленні (екзордиумі) проповідник повинен вказати свою *пропозицію*, т.є. “поставленє умысла свого, що поставил и умыслил на казаню мовити, и показати, о чым хоче казане мети”⁶. Як видно з цих слів, саме *пропозиція* – це і єсть *тема* проповіді в сучасному розумінні.

Наррація – це найбільша і найбільш важлива частина проповіді. Саме тут розкривається заявлена тема. До наррації “стягаються” всі інші частини проповіді. В конклюдії (заключенні) проповідник підводить підсумок своєї мови і заохочує слухачів слідувати позитивним прикладам і відвертатися від гріха.

² О его жизни и литературном наследии см.: Наталя Яковенко, *У пошуках Нового неба: Життя і тексти Йоаннікія Галітовського* (Київ, 2017).

³ Rostysław Radyszewskij, *Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku*, Część I, (Kraków, 1996), 147.

⁴ Іоаннікий Галітовський, *Ключ розуміння священником законним и свецким належачий* (Київ, 1659), 241.

⁵ Там же, 244.

⁶ Там же, 241.

Все части проповеди должны согласовываться с “темой”, вытекать из нее как из источника. Галятовский поясняет, что во всех трех частях проповеди должно звучать именно то, что заявлено в начальном тексте. В основной части (наррации) проповедник должен говорить лишь о том, что анонсировано в пропозиции. Галятовский образно поясняет, что всякий строитель, обещающий царю построить роскошный дворец и затем строящий совсем иное здание, навлекает на себя гнев монарха. Так и проповедник, обещающий людям одно, а затем рассказывающий другое, не будет любим слушателями, “и жадной мудрости ему не припишут”⁷.

Для лучшего раскрытия темы Иоанникий Галятовский советует проповеднику разделить ее на части и затем в наррации о каждой части “особно поведати”⁸. Каждый свой тезис проповедник должен подкреплять Писанием или свидетельством церковных учителей, или примером, или подобием или иным доказательством. Тезисы, никак не доказанные, будут восприняты как недостоверные или прямо ложные.

Итак, для Галятовского нормативная проповедь строится по дедуктивному принципу. Сначала четко заявляется ее тема, которая затем раскрывается по законам формальной логики.

Важен и совет Галятовского о том, как священнику искать “материю” своей проповеди. Он рекомендует проповеднику читать Библию, жития святых и святоотеческие толкования Писания (прежде всего, свв. Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, Феодорита Кирского, Иоанна Дамаскина и Ефрема Сирина). Также он рекомендует читать современных проповедников, у которых можно найти “достаточную материю”. Кроме того, Галятовский считает необходимым читать и нецерковные источники: “гистории и кройки о rozmaитых панствах и сторонах”, а также книги “о зверох, птахах, гадах, рыбах, деревьях, зелах, камнях и rozmaитых водах, которые в морю, в реках, в студнях и на иных местцах находятся”. Все это Иоанникий Галятовский рекомендует не только читать, но и “нотовати” (то есть записывать, конспектировать), чтобы затем использовать в проповеди⁹.

Иоанникий Галятовский предлагает активно использовать в проповеди *концепты* (от лат. *conceptus* – замысел). Этот прием был им заимствован из практики католических барочных проповедников. Под *концептом* в эпоху барокко понимали *соединение несоединимого*, то есть раскрытие сокровенных смыслов при помощи аллегорий, метафор и символов. Литературный стиль, основанный на использовании концепта, получил название *концептизма*. Концепт предполагал парадоксальные уподобления, которые должны были поразить слушателя, воздействовать на его чувства. Как писал испанский философ и теоретик литературы Бальгасар Грациан-и-Моралес (1601–1658) в трактате “Остромыслие и искусство изошрённого ума” (1642), “чем для глаз является красота, а для ушей гармония,

⁷ Там же, 241об.

⁸ Там же, 242.

⁹ Там же, 246об.

тем концепт является для мысли”¹⁰. Он считал “остромыслие” главным источником эстетического наслаждения в публичной речи.

Особенно много наставлений относительно концептов содержится в той части “Науки” Галятковского, где речь идет о надгробных речах. В проповеди на погребении концептом может служить герб умершего, его имя или фамилия. Проповедник, указав на герб, может предложить его аллегорическое истолкование. Например, меч и оружие, которые обычно изображают на аристократических гербах, Галятовский предлагает истолковать как символы духовного оружия, которым усопший “боронився от неприятелей душевных”¹¹. Имя и фамилия усопшего также могут быть истолкованы символически. Галятовский предлагает найти библейский текст, который можно было бы увязать с найденным концептом. Например, если умершего зовут Моисеем, то проповедь может быть произнесена на текст: *Моисей же възде на гору Божию* (Исх. 19, 3).

Основой для концепта могут быть место и время погребения. Например, если усопший скончался в понедельник, то Галятовский предлагает проповеднику сказать о том, что понедельник — это ангельский день, а значит ангелы взяли в свои руки душу умершего, чтобы привести ее на небо.

Материалом для концепта могут служить и данные внешних наук. Например, проповедник может рассказать во введении к проповеди, что “натуралисты” пишут о хамелеоне. Хамелеон постоянно меняет цвет, “бо розныи фарбы на себе берет”. И мир сей также может быть назван хамелеоном, поскольку есть изменчивый и непостоянный¹². Из этого сопоставления может вырасти надгробная речь, посвященная тому, как умерший избегал мира сего. Таким образом, концепт должен оказать особое воздействие на чувства слушателей, расположив их к духовным размышлениям.

Вполне очевидно, что реализация советов о. Иоанникия Галятковского ведет к созданию проповеди, отмеченной всеми недостатками барочной литературы. Барочную проповедь (как и барочную литературу в целом) обычно критикуют за чрезмерное увлечение формой в ущерб содержанию. Библизм барочной проповеди был, как правило, внешним. Тексты Библии нередко вырывались из контекста и служили лишь иллюстрацией для полета мысли проповедника. Проповедь эпохи барокко переполнена игрой слов, изощренными ассоциациями и неожиданными сравнениями.

С 1680-х гг., когда в Киево-Могилянской коллегии окончательно сформировался полный курс преподаваемых наук, сведения о церковном красноречии помещались в общие курсы риторики. Гомилетики как отдельной учебной дисциплины в Киево-Могилянской академии не существовало. Сам по себе этот факт свидетельствует о широком использовании в проповеди законов светского красноречия.

¹⁰ Цит. по: Kazimierz Panuś, *Historia kaznodziejstwa* (Kraków, 2007), 251.

¹¹ Галятовский, *Ключ разумения*, 248об.

¹² Там же, 248.

До нас дошло ок. 100 рукописных курсов риторики, написанных в Киеве. Как правило, это студенческие записи лекций. Часть этих курсов содержит специальные разделы о церковном красноречии. Наиболее ранний из них относится к 1688 г. и, возможно, принадлежит Стефану Яворскому. По мнению профессора Николая Петрова, этот курс очень близок к “Науке” Иоанникия Галятовского и в значительной мере заимствован из книги французского иезуита Николы Коссена (Nicolas Caussin, 1583–1651)¹³.

Из курсов риторики, относящихся к концу XVII – XVIII вв. наиболее выдающимся является курс “О риторическом искусстве” (*De arte rhetorica*) Феофана Прокоповича (1681–1736), относящийся к 1706 г.¹⁴ Он заметно отличается от предшествующей ему могилянской традиции. Прокопович стремился реформировать подходы к церковному красноречию. Его “Риторику” принято относить к “умеренному барокко”¹⁵. Прокопович активно критикует крайности барочного проповедничества, призывая к отказу от них. Польские иезуитские коллегии он называет “фабриками испорченного красноречия”¹⁶. Прокопович настоятельно рекомендует использовать в качестве образцов святоотеческие проповеди (прежде всего, св. Иоанна Златоуста), а не сочинения современных польских ораторов.

Уже после своего переезда в Петербург, Прокопович попытался внедрить новые подходы к проповеди во всей Русской Церкви. В частности, он внес во вторую часть составленного им “Духовного регламента” специальный раздел “О проповедниках слова Божия” (раздел 23). Здесь кратко повторены те принципы церковного красноречия, которые ранее были изложены в “*De arte rhetorica*”. Поскольку “Духовный регламент” вплоть до 1917 г. имел в Русской Церкви статус официального нормативного документа, изложенные в нем идеи получили высокий авторитет.

Архиепископ Феофан Прокопович уделял главное внимание содержанию проповеди. О ее форме он писал совсем немного. Он подчеркивал, что в проповеди необходимо говорить “о покаянии, исправлении жития, о почитании властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностях всякого чина”¹⁷. И в своих теоретических построениях, и в проповеднической практике Прокопович стремился приблизить проповедь к жизни, преодолеть ее схоластическую отвлеченность. При этом он не избежал другой крайности. Большинство его сохранившихся проповедей произнесены по различным нецерковным поводам и

¹³ Н. И. Петров, “Из истории гомилетики в старой Киевской академии,” *Труды КДА* 1 (1866): 92–93.

¹⁴ Издание латинского текста см. в: Feofan Prokopovič, *De arte rhetorica libri X [Texte imprimé] : Kijoviae 1706 / mit einer einleitenden Untersuchung und Kommentar herausgegeben nach zwei Handschriften aus den Beständen der Kiever Zentralen Akademie-Bibliothek von Renate Lachmann; Handschriftenredaktion Bernd Uhlenbruch* (Köln: Böhlau, 1982). (Slavistische Forschungen, B. 27; *Rhetorica slavica*, B. II). Украинский перевод (в сокращении): Феофан Прокопович, “Про риторичне мистецтво,” в Феофан Прокопович, *Філософські твори*, Том 1 (Київ, 1979), 103–433.

¹⁵ С. А. Кибальник, “О “Риторике” Феофана Прокоповича,” в *XVIII век*, Сборник 14, *Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте* (Ленинград, 1983), 199.

¹⁶ Петров, “Из истории гомилетики,” 102.

¹⁷ *Духовный регламент* (Москва, 1897), 64–65.

тесно связаны с государственной жизнью России времен Петра I. Он реагирует в проповеди на реформы Петра, всячески их защищая. Так, архиепископ Феофан оправдывает в проповедях введение нового календаря, разъясняет необходимость создания морского флота, восхваляет военные победы Петра и внедрение Синодальной системы церковного управления.

Весьма характерно, что Прокопович распространяет на церковную проповедь ту же классификацию, которая существует в классической светской риторике. Церковное красноречие (как и светское) он подразделяет на три вида: изъяснительное, совещательное и судебное. Изъяснительное церковное красноречие, по Феофану, охватывает проповеди на праздники Господские, Богородичные и дни памяти святых. Совещательное церковное красноречие — это нравоучительная проповедь, в которой раскрывается красота добродетели и показывается отвратительность порока. В “совещательных” проповедях священник должен убедить слушателей отвратиться от греха и следовать путем добродетели. Судебное церковное красноречие — это проповеди, посвященные обличению или даже проклятию врагов Церкви.

Феофан Прокопович специально обсуждает вопрос о необходимости полагать в основание проповеди “тему” (то есть библейское изречение). Как мы видели, его предшественники в Киеве (начиная с Иоанникия Гаятовского) считали, что такой текст абсолютно необходим для проповеди. Как пишет сам Феофан, в его время проповедь без такой темы считалась “непристойной и несовершенной”. Тем не менее, он указывает, что этот обычай стал “вредным” и принес “много вреда как ораторам, так и слушателям”. Проповедники, стремясь во что бы то ни стало отыскать начальный текст для своей речи, все чаще стали выбирать изречения, которые сочетались с проповедью “как ослиная голова с ослиным туловищем”. Поэтому Прокопович призывает “не следовать толпе проповедников”, но употреблять начальный текст в проповеди лишь в тех случаях, когда это уместно¹⁸. Он также допускал, что проповедь может представлять собой не только раскрытие избранной темы, но и общедоступное толкование библейского текста. Тем не менее, вплоть до XIX в. в Киевской митрополии господствовала тематическая проповедь. Как писал один из исследователей истории русской проповеди протоиерей матвей Поторжинский, вплоть до конца XVIII в. гомилия как форма проповеди в Русской Церкви “почти не существовала”¹⁹.

Труды Феофана Прокоповича существенно повлияли на развитие проповеди в XVIII в. Можно сказать, что заложенные им принципы оставались нормативными в течение как минимум ста лет.

Новый этап в развитии гомилетики связан с реформой духовного образования, осуществленной в начале XIX в. Устав духовных академий 1809–1814 гг. предполагал, что срок обучения в академиях будет составлять четыре года, которые разделялись на два периода по два года. Первые два года составляли философский класс,

¹⁸ Петров, “Из истории гомилетики,” 121–122.

¹⁹ Протоиерей М. А. Поторжинский, сост., *Русская гомилетическая хрестоматия с краткими биографиями русских пастырей-проповедников и характеристикой их проповедничества (XVII–XIX вв.)* (Киев, 1899), 611.

третий и четвертый годы обучения — богословский класс. Двухлетний богословский класс включал в себя “богословие толковательное” (герменевтика), “богословие созерцательное” (догматическое), “богословие деятельное” (нравственное), “богословие обличительное” (сравнительное), “богословие собеседовательное” (гомилетика) и каноническое право. Таким образом, гомилетика отныне рассматривалась как составная часть богословского курса, а не курса риторики, как это было ранее. Это способствовало постепенному выделению гомилетики в самостоятельную дисциплину.

Первый фундаментальный курс гомилетики в новой перспективе был подготовлен профессором Киевской духовной академии *Яковом Косьмичем Амфитеатровым* (1802–1848)²⁰. Он преподавал церковную словесность в КДА в течение без малого двадцати лет (с 1829 по 1848 гг.). В 1846 г. вышла в свет его книга “Чтений о церковной словесности или гомилетика”²¹. Профессор Михаил Тареев, который был известен своим критическим отношением к предшествовавшей ему гомилетической традиции, тем не менее дал высокую оценку труду Я. К. Амфитеатрова: “Ничего подобного этому сочинению история русской гомилетики прежде не имела. Когда переходишь от наших старинных гомилетик к этому поистине классическому труду, то чувствуешь себя вступившим в область, в некоторых отношениях, совершенно новую: это сердечность и проникновение святоотеческим духом”²².

По словам другого известного российского богослова, профессора Николая Глубоковского, Амфитеатров, следуя в своей книге предшествующей традиции, стремился не столько раскрыть сущность проповедничества “в его жизненном обнаружении, сколько научить искусству проповедничества соответственно принципиальным его законам”²³. Поэтому “Чтения” представляют собой, прежде всего, практическое пособие по составлению и произнесению проповедей. Это, кстати, вполне соответствовало взгляду на гомилетику, распространенному тогда и в католической среде. В то время, как в протестантской мысли уже в первой половине XIX в. гомилетика перестает быть сугубо прикладной дисциплиной и приобретает богословское измерение.

Во второй половине XIX — начале XX вв. книга проф. Амфитеатрова оставалась одним из главных и наиболее авторитетных руководств по гомилетике на русском языке. Курсы гомилетики, изданные во второй половине XIX в., в значительной мере следовали принципам, выработанным проф. Амфитеатровым, и принесли мало нового в гомилетическую науку. Одним из главных представителей этой линии был преемник Амфитеатрова по кафедре профессор *протоиерей*

²⁰ См. о нем: Марина Ткачук, “Амфитеатров Яків Кузьмич,” *Київська духовна академія в іменах: 1819–1924 : енциклопедія: в 2 т.*, упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук ; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1 (К., 2015), 103–105.

²¹ Амфитеатров Яков, *Чтения о церковной словесности или гомилетика* (Киев, 1846), Часть 1–2.

²² М. М. Тареев, *По вопросам гомилетики* (Сергиев Посад, 1903), 14.

²³ Н. Н. Глубоковский, *Русская богословская наука в ее историческом развитии и современном состоянии* (Москва, 2002), 35.

*Назарий Фаворов (1820–1897)*²⁴. Он занимал в КДА кафедру церковной словесности с 1849 по 1862 г. Фаворов подготовил к печати “Руководство к церковному собеседованию”, которое впервые вышло в свет в 1858 г.²⁵ Это “Руководство” выдержало 12 изданий и вплоть до 1917 г. являлось нормативным семинарским учебником по гомилетике. Можно сказать, что в нем полностью реализованы те принципы построения курса гомилетики, которые сформулированы в книге Амфитеатрова.

Формирование нового направления в гомилетической науке связано с именем профессора КДА *Василия Федоровича Певницкого (1832–1911)*²⁶. Он преподавал гомилетику более сорока лет (с 1862 по 1906 г.). Главной заслугой проф. Певницкого является последовательное применение в гомилетике исторического метода. Он опубликовал ряд сочинений, посвященных истории церковного проповедничества и гомилетической науки, охвативших период от святых апостолов до гомилетов XIX в. Его очерки о жизни и проповеднической деятельности мужей апостольских, Оригена, Григория Чудотворца, Максима Туринского, Льва Великого, блаженного Августина стали существенным вкладом не только в гомилетическую науку, но и в патрологию. Докторская диссертация Певницкого “Святой Григорий Двоеслов, его проповеди и гомилетические правила” (К., 1871) и по сей день остается единственным русскоязычным исследованием, специально посвященным гомилетическому наследию св. Григория Великого, папы Римского.

Благодаря Певницкому, в КДА сформировалась программа преподавания гомилетики, в которой особое внимание уделялось патристическому гомилетическому наследию. На базе глубокого изучения истории проповедничества проф. Певницкий издал фундаментальное сочинение по теории проповеди “Церковное красноречие и его основные законы”²⁷, ставшее итогом его многолетних научных и педагогических трудов. Эта книга представляет собой попытку возврата к святоотеческому подходу в церковном проповедничестве. Отвергая схоластический взгляд на церковную проповедь, проф. Певницкий настаивает на том, что главной отличительной чертой проповеднического слова должно быть не соблюдение отвлеченных правил составления и произнесения проповеди, а внутреннее “одушевление” проповедника: “Проповедник-оратор берет истину христианскую из мертвой книги, оживляет ее своим дыханием и дает ей движение, и она, направляемая, находит путь к сердцу слушателей и действует на них тем быстрее и сильнее, чем более проповедник вносит своей душевной силы и энергии в оживление истины, служащей предметом его слов”²⁸.

²⁴ См. о нем: Марина Ткачук, “Фаворов Назарий, протоіерей,” *Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: енциклопедія: в 2 т.*, упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 2 (К., 2016), 695–698.

²⁵ Протоіерей Назарий Фаворов, *Руководство к церковному собеседованию, или гомилетика* (Киев, 1858).

²⁶ См. о нем: Світлана Кузьміна, “Певницкий Василій Федорович,” *Київська духовна академія в іменах: 1819–1924: енциклопедія: в 2 т.*, упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 2 (К., 2016), 387–390.

²⁷ В. Ф. Певницкий, *Церковное красноречие и его основные законы* (Киев, 1906).

²⁸ Там же, 40.

Певницкий также признает по существу неверным подход проф. Я. К. Амфи-театрова к решению вопроса о содержании проповеди. В книге последнего содержится достаточно подробное перечисление “материй проповеднического слова” (то есть возможных тем для проповеди). Певницкий настаивает на том, что тематическим средоточием церковной проповеди должна быть весть об Иисусе Христе, Распятом и Воскресшем, “Которого проповедник ни на минуту не должен опускать из внимания. От этого пункта, как радиусы от центра, должны расходиться до далекой окружности многообразные сочетания разных представлений, вызываемые нуждами слушателей и потребностями времени... Все, что бы ни говорил проповедник, должно иметь связь с словом крестным”²⁹. Таким образом, книга Певницкого представляла собой принципиальное переосмысление подходов к построению курса гомилетики.

Изучение патристического проповеднического наследия привело не только к пересмотру фундаментальных принципов гомилетики, но и к существенным переменам в проповеднической практике. В частности, в XIX в. возрождается гомилия как форма проповеди. В XVII-XVIII вв. на гомилию смотрели как на проповедь для простого народа, посвященную элементарному разъяснению смысла Писания. В XIX в. на гомилию постепенно начинают смотреть как на традиционную литургийную проповедь, которая должна быть органично вписана в богослужение. В результате в проповеднической практике начинают звучать не только тематические, но и экзегетические проповеди (гомилии).

Таким образом, гомилетика в киевской богословской традиции в период с XVII до начала XX вв. прошла важный путь эволюции. Характерная черта развития отечественной гомилетики с самого момента ее зарождения – это постоянная рефлексия на процессы, происходившие в католической и протестантской науке. Потому неудивительно, что в своем развитии киевская гомилетика проходит примерно те же этапы, что и гомилетика западная. При этом авторы отечественных курсов гомилетики стремились выработать свою самобытную традицию. Впрочем, на наш взгляд в дореволюционный период достичь окончательного синтеза в сфере гомилетики все же не удалось.

²⁹ Там же, 96.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Panuš K. *Historia kaznodziejstwa*. Kraków, 2007.
- Prokopovič, Feofan. *De arte rhetorica libri X [Texte imprimé] : Kijoviae 1706 / mit einer einleitenden Untersuchung und Kommentar herausgegeben nach zwei Handschriften aus den Beständen der Kiever Zentralen Akademie-Bibliothek von Renate Lachmann ; Handschriftenredaktion Bernd Uhlenbruch*. Köln: Böhlau, 1982. (Slavistische Forschungen, B. 27; Rhetorica slavica, B. II).
- Radyszewskýj R. *Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku*. Część I. Kraków, 1996.
- Амфитеатров, Яков. *Чтения о церковной словесности или гомилетика*. Киев, 1846. Часть 1–2.
- Галятковский, Иоанникий. *Ключ разумения священником законным и свецким належачый*. Киев, 1659.
- Глубоковский Н. Н. *Русская богословская наука в ее историческом развитии и современном состоянии*. Москва, 2002.
- Духовный регламент. Москва, 1897.
- Кибальник С. А. “О “Риторике” Феофана Прокоповича.” В *XVIII век. Сборник 14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте* (Ленинград, 1983): 193–206.
- Кузьміна, Світлана. “Певницький Василій Федорович.” В *Київська духовна академія в іменах : 1819–1924 : енциклопедія: в 2-х томах*, упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук ; відп. ред. В. С. Брюховецький, т. 2 (Київ, 2016): 387–390.

BIBLIOGRAPHY

- Amfiteatrov, Iakov. *Chteniâ o tserkovnoi slovesnosti ili gomiletika*. Chast' 1–2. Kiev, 1846.
- CHuba, Halyna. *Ukraïns'ki rukopysni Uchytel'ni iëvanheliïâ. Doslidzhenniâ, kataloh, opysy*. Kyiv – L'viv, 2011.
- Duhovnyiï reglament*. Moskva, 1897.
- Favorov Nazarij, protoiereï. *Rukovodstvo k tserkovnomu sobesedovaniïu, ili gomiletika*. Kiev, 1858.
- Galyatovskii, Ioannikiï. *Kliûch razumeniïâ sviâshchennikom zakonnym i svetskim nalezhachyï*. Kiev, 1659.
- Glubokovskii, N. N. *Russkaïâ bogoslovskaiâ nauka v ee istoricheskom razvitii i sovremennom sostoiânii*. Moskva, 2002.
- Iâkovenko, Nataliâ. *U poshukakh Novoho neba: zhyttiâ i teksty Ioannykiïâ Haliâtovs'koho*. Kyiv, 2017.
- Kibal'nik S. A. “O “Ritorike” Feofana Prokopovicha.” In *XVIII vek. Sbornik 14: Russkaïâ literatura XVIII – nachala XIX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste* (Leningrad, 1983): 193–206.
- Kuz'mina, Svitlana. “Pevnyiïskyï Vasylïi Fedorovych.” In *Kyivs'ka dukhovna akademiya v imenax: 1819–1924: Encyklopediya u 2-x tomakh*, edited by M. L. Tkachuk, V. S. Bryuhovec'kyj, t. 2 (Kyiv, 2016), 387–390.
- Panuš K. *Historia kaznodziejstwa*. Kraków, 2007.
- Petrov N. I. “Iz istorii gomiletiki v staroi Kievskoi akademii.” In *Trudy KDA* 1 (1866): 86–124.
- Pevnitskii V. F. *Tserkovnoe krasnorechie i ego osnovnye zakony*. Kiev, 1906.

- Певницкий В. Ф. *Церковное красноречие и его основные законы*. Киев, 1906.
- Петров Н. И. “Из истории гомилетики в старой Киевской академии.” В *Труды КДА* 1 (1866): 86–124.
- Поторжинский М. А., протоирей, сост. *Русская гомилетическая хрестоматия с краткими биографиями русских пастырей-проповедников и характеристикой их проповедничества (XVII–XIX вв.)*. Киев, 1899.
- Прокопович, Феофан. “Про риторичне мистецтво.” В Прокопович, Феофан. *Філософські твори*, том 1 (Київ, 1979): 103–433.
- Тареев М. М. *По вопросам гомилетики*. Сергиев Посад, 1903.
- Ткачук, Марина. “Амфітеатров Яків Кузьмич.” В *Київська духовна академія в іменах : 1819–1924 : енциклопедія: в 2-х томах*, упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук ; відп. ред. В. С. Брюховецький, т. 1 (Київ, 2015): 103–105.
- Ткачук, Марина. “Фаворов Назарій, протоіерей.” В *Київська духовна академія в іменах : 1819–1924 : енциклопедія: в 2-х томах*, упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук ; відп. ред. В. С. Брюховецький, т. 2 (Київ, 2016): 695–698.
- Фаворов Назарій, протоирей. *Руководство к церковному собеседованию, или гомилетика*. Киев, 1858
- Чуба Галина. *Українські рукописні Учительні Євангелія. Дослідження, каталог, описи*. Київ – Львів, 2011.
- Яковенко, Наталя. *У пошуках Нового неба: Життя і тексти Йоанікія Галатовського*. Київ, 2017.
- Potorzhiński M. A., protoierei, ed. *Russkaiā gomileticheskaiā khrestomatiā s kratkimi biografiiami russkikh pastyreĭ-propovednikov i kharakteristikoĭ ikh propovednichestva (XVII–XIX vv.)*, Kiev, 1899.
- Prokopovič, Feofan. *De arte rhetorica libri X [Texte imprimé] : Kijoviae 1706 / mit einer einleitenden Untersuchung und Kommentar herausgegeben nach zwei Handschriften aus den Beständen der Kiever Zentralen Akademie-Bibliothek von Renate Lachmann ; Handschriftenredaktion Bernd Uhlenbruch*. Köln: Böhlau, 1982. (Slavistische Forschungen, B. 27; Rhetorica slavica, B. II).
- Prokopovich, Feofan. “Pro rytorychne mystetstvo.” In Prokopovich, Feofan. *Filosofs'ki tvory*, t. 1 (Kyiv, 1979), 103–433.
- Radyszewskij R. *Polskojęzyczna poezja ukraińska od końca XVI do początku XVIII wieku. Część I*. Kraków, 1996.
- Tareev M. M. *Po voprosam gomiletiki*. Sergiev Posad, 1903.
- Tkachuk, Maryna. “Amfiteatrov Īakiv Kuz'mych.” In *Kyivs'ka dukhovna akademiya v imenax: 1819–1924: Encyklopediya u 2-x tomakh*, edited by M. L. Tkachuk, V. S. Bryuhovec'kyj, t. 1 (Kyiv, 2015), 103–105.
- Tkachuk, Maryna. “Favorov Nazarij, protoierei.” In *Kyivs'ka dukhovna akademiya v imenax: 1819–1924: Encyklopediya u 2-x tomakh*, edited by M. L. Tkachuk, V. S. Bryuhovec'kyj, t. 2 (Kyiv, 2016), 695–698.